

Анна Савина

ПЛЕНИТЬ
ОХОТНИКА

ИДДК

Анна Савина

ПлениТЬ охотника

«ИДДК»

2022

Савина А.

Пленить охотника / А. Савина — «ИДДК», 2022

«Пленить охотника» – роман Анны Савиной, жанр любовное фэнтези, детективное фэнтези, эротическое фэнтези. Каждую ночь я охочусь. Выслеживаю жаждущих любви мужчин и удовлетворяю их жажду. Но однажды охоту откроют и на меня. И теперь все, чего я хочу, это вырваться из крепких объятий охотника. Или остаться в них навсегда. Книга ранее издавалась под творческим псевдонимом Энди Тейл. Внимание! Содержит откровенные эротические сцены. Возрастные ограничения 18+

© Савина А., 2022

© ИДДК, 2022

Содержание

Глава 1. Взгляд из темноты	6
Глава 2. Ошейник	11
Глава 3. Чужой дом	16
Глава 4. Гостиничный номер	21
Глава 5. Кто чем торгует	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Анна Савина

Пленить охотника

© Савина Анна

© ИДДК

Глава 1. Взгляд из темноты

На меня смотрели. Пристально, раздражённо и зло. Я выгнулась, подаваясь навстречу нетерпеливым рукам. Мужчина что-то пробормотал, торопливо стаскивая с меня блузку, неловко касаясь груди, живота...

Я повернула голову к окну. В гостиничный номер заглядывала полная луна. Третий этаж третьесортного мотеля, там никого не может быть. Но всё же... Чужой взгляд был почти осязаем. Я запустила пальцы под мужской ремень и легонько коснулась горячей кожи. Мой партнёр, мой спутник на эту ночь прерывисто выдохнул и прижал меня к шершавой двери номера.

На меня смотрели. Всегда и везде: в супермаркетах, клубах, гостиницах, парках, на парковках и кемпингах. Мужчины бросали один оценивающий взгляд и уже больше не могли его отвести. Я привыкла к их липким прикосновениям, к деланному возмущению их спутниц. И даже к тому, что оставшись в одиночестве и удовлетворяя себя, мужчины видели не стены, оклеенные обоями в цветочек, а меня. Они представляли моё гибкое тело, слышали тихие стоны, что срывались с моих губ от удовольствия, граничащего с болью.

Расстегнув брюки, я запустила руку под бельё и обхватила член, одновременно покрывая мужскую грудь поцелуями. Прерывисто вздохнув, он провёл ладонями по моим волосам, пропуская шелковистые пряди сквозь пальцы, а потом вдруг сгрёб и дёрнул назад, заставляя откинуть голову. Дёрнул и прижался к шее губами, целуя и мягко покусывая кожу.

На меня смотрели. Не на нас, а именно на меня. И этот взгляд был неправильным. За моими встречами подглядывают не в первый раз и, наверняка, не в последний. Я знаю, как горит кожа от чужого нетерпения, от чужого беспомощного желания, когда тот, кто стоит по ту сторону стекла, больше всего на свете хочет оказаться по эту. Страстные взгляды с привкусом запрета и вины, с налётом стыда, в котором никто никогда никому не признаётся.

Но этот был другой, отстранённый с лёгкой горчинкой. Невидимка не хотел быть здесь. И всё-таки был.

Я обхватила мужские плечи, прижалась к груди. Он опустил руки мне на талию, потом на бедра, скомкал подол платья, касаясь кружевного белья. Раздался тихий треск, и мой компаньон на эту ночь отбросил в сторону разорванные трусики, туда, где уже валялась его мятая рубашка. Платье задралось до талии, горячие ладони обхватили ягодицы, приподнимая... Я закинула ноги мужчине на талию, слушая бешеное биение его сердца. Сердца, которое я в любой миг могу остановить. Миг покоя перед бурей, миг сладкого ожидания, миг до того, как его плоть окажется внутри и заполнит всё, удовлетворив жадную пустоту.

Обычно, я не позволяла этому завершиться так быстро. Для меня это действие, спектакль, который должен быть сыгран до конца. Я дразню мужчин, двигаюсь и останавливаюсь, отстраняюсь и позволяю себя заставлять. Или заставляю их. Иногда они рычат. Иногда умоляют. Иногда молчат, слишком ошеломлённые, иногда кричат, когда это ошеломление невозможно сдержать. Но не сегодня.

Этот чужой взгляд лишал уверенности. Больше всего хотелось броситься вон из этой комнаты, из этого мотеля, выбежать в тёмную ночь за окном и найти того, кто осмелился так на меня смотреть.

Мужчина одним резким, почти причиняющим боль движением вошёл в меня и не сдержал стона. Его плоть пульсировала, я вцепилась ему в плечи, царапая кожу. Вошёл и тут же вышел, почти задыхаясь от ощущений. Моё тело послушно следовало за ним, принимая толчки и изгибаясь.

Тело – это инструмент, на котором хороший музыкант виртуозно сыграет, а плохой... Я посмотрела в затуманенные серые глаза мужчины. Его руки грубо шарили по груди прямо сквозь тонкую ткань платья. А плохой потратит время, слушая только себя. Как этот. Ещё

одно-два движения и он сорвётся, не удержится на той тонкой грани, что позволит сперва удовлетворить женщину.

Не сможет и не захочет. Если бы не взгляд, я бы не дала ему так легко отделаться, но жизнь, как известно, редко считается с нашими желаниями.

Я наклонила голову и в тот момент, когда он в очередной раз погрузил свою плоть в мою, прикусила ему мочку уха. Простое движение, скорее игривое, чем наполненное страстью. Но я, в отличие от партнёра, была хорошим музыкантом, в совершенстве владеющим таким инструментом, как мужское тело. Знала сотни точек, нервных узлов, чувствительных мест, одно прикосновение к которым может подарить удовольствие. Или смерть. Или и то и другое одновременно.

Мужчина выдохнул. Волна чувственного удовлетворения, зародившаяся в глубине моего тела, накрыла его с головой. Миг ослепительного счастья, казавшийся бесконечным, казавшийся вершиной счастья, от которого вот-вот остановится сердце. И только я знала, что сейчас, всё ещё находясь в моём лоне, он полностью принадлежал мне. Именно сейчас его жизнь замерла, как вставшая на ребро монетка. Аверс или реверс? Жизнь или смерть? Решение за мной.

Я отстранилась. Мужчина дрожал и судорожно ловил ртом воздух. Он разжал руки, неуклюже отпустил меня и прислонился лбом к стене номера, пытаясь отдышаться. Я одёрнула платье, поднырнула под упирающуюся в стену руку и направилась в душ. Вот и всё. Предвкушение всегда слаще послевкусы.

Мужчина что-то сказал, бросил в спину какую-то пошлую фразу в стиле: «детка, ты супер!», как раз перед тем, как я закрыла дверь в ванную.

Чужой взгляд непрерывно следовал за мной.

Горячая вода струилась по телу и была куда более нежной, чем недавний любовник. Она стекала по лицу, плечам, горячей от грубых прикосновений груди, невесомо касалась позвоночника, ягодиц, ног, унося с собой чужой запах и память о чужих руках и губах. Старею, что ли, раз начала предпочитать горячий душ мужским объятиям? Так недолго и дома осесть, научиться готовить, начать читать книги... Ужас какой!

Я тряхнула головой. Мокрые пряди рассыпались по плечам, серебряные серёжки качнулись, отражая скудный свет ламп.

Когда я, надев платье, вышла из ванной, на журнальном столике у двери была уже приготовлена моя сумочка, рядом деньги, на полу стояли туфли, а поверх них лежали разорванные кружевные трусики. Что ж, очень доходчиво. Дело сделано, могу быть свободной. Надо сказать, так даже лучше. Я понятия не имела, о чём говорить в таких случаях с мужчинами. И они тоже не имели. Самых разговорчивых хватало только на пошлые комплименты, от которых сводило зубы. Самое смешное то, что завтра он об этом пожалеет. Начнёт раздумывать, а не поторопился ли избавиться от продажной девки, ведь можно было... Одна мысль будет цепляться за другую, как звенья цепочки, и рано или поздно, тот поводок, что накинула на него моя магия, притащит его обратно. Сперва на то место, где мы познакомились, хотя «познакомились» – это громко сказано. На то место, где он меня снял. А потом сюда, в этот мотель, в этот номер. Если не подпитывать магию, со временем наваждение рассеется. Он будет лишь изредка вспоминать о случайной любовнице, находя мои черты в других женщинах. А если подпитывать, если встретиться ещё раз и ещё, то...

Я задумалась – а нужен ли мне очередной раб, послушно сидящий у ног в ожидании ласки? Честно говоря, нет. От таких больше мороки, чем пользы. К тому этот мужчина оказался на вид гораздо более привлекательным, чем на вкус. Шуршащий блестящий фантик и не более.

Я подняла голову. Ощущение чужого взгляда пропало. Чёрт, как же всё не вовремя!

Схватив сумочку, я сгрэбла в неё деньги, подняла туфли и выскочила в коридор, оставив алый треугольник ткани, бывший когда-то трусиками, на полу номера.

Ночной портье проводил меня обеспокоенным взглядом и даже схватился за телефон, но потом, подумав, опустил трубку, наблюдая, как я выхожу через застеклённые двери. Его тревога была объяснима. Без каблуков, что добавляли мне десяток сантиметров роста, без косметики, с растрёпанными влажными волосами я выглядела как сбежавшая с уроков школьница, одолжившая платёж у старшей сестры и отправившаяся искать приключения на пятую точку. А он сдал номер мужчине с несовершеннолетней. Впрочем, мой возраст его волновал только как причина возможных неприятностей, но никак не сам по себе.

Но дело было не только в косметике и туфлях. За ночь со мной мужчинам приходилось расплачиваться отнюдь не деньгами, что бы они там себе не думали. Сегодня я забрала у любовника три года жизни. И теперь они мои. Забрала три, а к моим прибавилось всего полтора, сделав меня немного моложе. Куда исчезали ещё полтора года, не знал никто. Отец пытался вывести закономерность, говорил о естественных потерях при переходе времени одного к другому, что-то ещё... Я не вникала, зная одно, что получаешь всегда в два раза меньше, чем берёшь. Поначалу меня злила подобная расточительность, а теперь стало всё равно. Если нужно отрезать два куска пирога, чтобы съесть один, я их отрежу.

Я могла бы забрать у любовника всего день, а могла бы и пятьдесят лет. Забрать просто так, потому что вернуться в младенчество таким как я не грозило. Наше время замирало на хрупкой границе, едва миновав переходный возраст, когда гормональная система только-только приходит в норму, каждый раз начиная отсчёт именно с него. Завтра я буду на день старше, через неделю ещё старше, а потом снова выйду на охоту или позволю себе отдохнуть, став чуть взрослее. А может, выйду на охоту просто так, из любви к процессу. Может быть... Главное – я всегда могу вернуться и начать всё заново.

Прохладный пахнувший бензином воздух ударил в лицо. Я больше не могла сдерживаться и побежала. Мелкие камушки впивались в босые ступни, сумочка ударяла по бедру. Неужели показалось? Неужели чужой взгляд и чужое внимание мне просто почудились?

Я остановилась под окнами того тёмного номера, где остался мужчина, и посмотрела на растущее напротив фасада раскидистое дерево. Нет, не померещилось. Провела рукой по стволу. Вот здесь он чуть содрал кору ботинками, скорее всего, когда спускался. Нижняя ветка надломлена, он торопился. Вывернуты два куска газона в том месте, где он приземлился. В воздухе витал слабый аромат туалетной воды.

Неизвестный в хорошей форме, раз смог так быстро спуститься. А вот что он сумел рассмотреть в темноте, ещё вопрос. Света в номере мы не зажигали. Но я почему-то была уверена, что он увидел всё, что хотел. Всё, что ему было нужно.

– Кто же ты? – прошептала я едва слышно. – И что тебе нужно от меня?

Над головой раздались тихие щелчки. С таким звуком вспыхивает пламя в одноразовой зажигалке. Я посмотрела наверх как раз в тот момент, когда мужчина, ещё недавно прижимавший меня к двери, поднёс огонёк к кончику сигареты. Мы встретились взглядами, в его глазах была неловкость. Я отвернулась. Этот парень больше не имел для меня никакого значения.

– Эй, – позвал он, перегибаясь через перила балкона.

Я сошла с газона на тёплый асфальт. За день он прогрелся так, что становился мягким. Я отряхнула ступни и надела туфли.

– Эй, – повторил он. – Как тебя зовут?

Я даже не стала оборачиваться. Имена не имели никакого значения. У меня их было столько, что всё и не упомнишь. Хотя для людей они важны.

В разные времена нас называли по-разному. На севере чаще всего йо-коло, дословно «демон, сношающийся с животными». Самокритичное название, надо сказать. На юге, где солнце жарит так, что сама земля трескается от жажды, нас называли «морденаре» – смертель-

ный поцелуй. Наибольшее распространение получило самое некрасивое и вульгарное название. На западе нас называли суккубами, и было в этом слове что-то пакостное, что-то сучье.

Я всегда предпочитала лёгкое и мелодичное «лайне» – «любящая жизнь», пришедшее с востока. Было в этом слове что-то лаконичное и острое, как клинок.

Я – лайне, любящая жизнь. А имена? Могу назваться любым, выбирайте.

Уличный фонарь два раза мигнул и потух. Послышался приближающийся шум двигателя, тихо шуршали по асфальту шины. Из двигавшегося малым ходом автомобиля высунулся рыжий парень и заорал:

– Эй, детка, поехали с нами!

В машине раздался взрыв хохота. Их там как минимум трое. Эх, встретились бы вы мне на два часа раньше... Сейчас я сыта, а переедать вредно.

– Девушка! Красавица!

Я, не раздумывая, шагнула в тень, растворилась среди серых очертаний придорожных кустов. Лайне могут становиться незаметными, когда захотят. Правда, такое случается очень редко.

– Эй, Алекс, куда она делась?

– Без понятия. Рули давай, найдём другую шалаву.

Да, это могло быть занимательно. Машина, взревев двигателем, проехала дальше и влилась в поток машин на центральной улице. Раздался пронзительный собачий лай, и я вышла из тени. Человеческие глаза можно обмануть, а вот звериный нюх – никогда.

Город не спал, он рычал автомобильными двигателями, говорил разными голосами, пел из радиоприёмников, плакал дождём, смеялся цветами, проклинал выхлопными газами, мигал яркими огнями рекламных вывесок, гудел проводами и веселился шумными компаниями. Кто-то спешил домой, кто-то из дома, кто-то убегал, кто-то находил приют. Город жил.

Я спустилась в подземный переход. Каблуки громко цокали по бетону, но и этот одинокий звук терялся в монотонном гуле поездов и ругани торговцев. Здесь тоже кипела жизнь, лотки с мороженым соседствовали с газетными будками и прилавками с китайскими футболками. Здесь кипела другая жизнь.

На картонке спал бомж, напротив него уличный музыкант наигрывал мелодию на саксофоне. Я остановилась, расстегнула сумочку и вытряхнула в раскрытый футляр деньги недавнего клиента.

– Удачная ночь? – спросил Гарик, опуская инструмент.

– Обычная. – Я пожала плечами и повернулась, чтобы уйти.

– Тобой интересовались, – произнёс парень, заставляя меня остановиться.

– Да? И кто?

– Наши его не знают. – Он облокотился на расписанную граффити стену.

В свете последних событий это прозвучало настораживающее. Неужели чей-то поводок оказался крепче, чем обычно? Придётся менять квартиру и ночной клуб.

– Ани, – музыкант вдруг оттолкнулся от стены и схватил меня за руку, – если тебе понадобится помощь, обещай, что ты её попросишь.

Точно, придётся, и возможно, не только район, но и город, раз уж уличный музыкант, с которым я изредка перебрасывалась парой слов, предлагает помощь.

– Брось, с такими как я никогда ничего не случается. Наверняка очередной клиент. – Я осторожно освободила ладонь.

– И... и... – Гарик замялся, а потом выпалил: – И деньги мне твои не нужны. Не эти деньги!

Я присмотрелась к купюрам и не нашла принципиальных отличий от тех, что лежали в футляре до моего прихода. Бумажки и бумажки.

– Хорошо, – покладисто согласилась я, – больше никаких денег.

Парень ответил неуверенной улыбкой.

Никаких денег, потому что больше я сюда не вернусь. Помахав музыканту рукой, я торопливо зашагала к лестнице. Никакого метро сегодня, доберусь на такси. Я и так непозволительно долго задержалась в этом городе, хотя всё так хорошо шло. Сегодня же соберу вещи и...

Что именно «и» додумать я не успела, лишь ощутила мимолётный укол тревоги. И ещё один – в шею, уже вполне осязаемый. И запах свежей туалетной воды, что напомнила мне о гостиничном номере, о дереве со стёртой корой под окнами. И о взгляде из темноты. Всё это я ощутила разом, открыла рот, чтобы закричать, но губы вдруг показались мне абсолютно чужими и непослушными.

На плечи легла твёрдая рука, а чей-то голос заботливо произнёс:

– Осторожнее.

И мягко добавил:

– На таких ходулях немудрено и ноги переломать. Держитесь крепче, я помогу.

А где-то продолжала играть музыка. Я инстинктивно вцепилась в мужскую руку, стараясь разогнать подступивший со всех сторон холод. Это было последним, что я запомнила.

Глава 2. Ошейник

Первым ощущением после пробуждения было лёгкое покалывание в теле. Онемение постепенно отступало, и я открыла глаза. Над головой явно не ночное небо, а белый потолок с изящной люстрой по центру.

Куда меня притащили?

Я приподнялась и оглядела комнату. Обои в цветочек, паркет на полу и почти полное отсутствие мебели. Поправка: узкая кровать в углу, застеленная колючим одеялом, на которое меня и положили. Плюс одинокий стул напротив, навевающий мысли о комнатах для допросов. Невесело.

Правда, платье всё ещё на мне, мало того, наряд дополнили модным в этом сезоне аксессуаром – ошейником. Я знаю, о чём говорю, ибо перемерила не один и не два подобных в секс-шопе. От каждого движения тихонько звякала длинная цепочка, крепившаяся к батарее под окном. Снаружи ошейник был металлическим, а изнутри отделан мягкой тканью. Нет, он точно из магазина для взрослых, чтобы эти самые взрослые не заигрались ненароком.

Я спустила босые ноги на пол и ещё раз внимательно огляделась. Ни тужель, ни сумочки. Интересно, а Гарик видел, как меня умыкнули? Даже если видел, вряд ли что-то сможет сделать. Не в полицию же ему идти, жалуясь, что уличную девку забрали с этой самой улицы.

На пробу я подёрнула цепочку. Движение отозвалось гулом в решётке радиатора. Батарее мне точно не оторвать. Пусть я и сильнее обычного человека, но до невероятного Халка мне очень далеко.

Я обхватила шею пальцами. Дужки ошейника смыкались спереди и застёгивались на маленький замочек. Осталось дожидаться хозяина обновки и очень вежливо попросить ключик. Пара пустяков. Хотя... Платье он с меня так и не снял, и это тревожило даже больше надевшего ошейника. Сиди я голой на привязи в комнате оснащённой только кроватью, знала бы чего ждать. И возможно, получила бы от игры некоторое удовольствие. Как говорила бабушка: «Секс – это просто, сложно обычно всё остальное».

Ладно, будем решать проблемы по мере их поступления. Сперва не худо было бы понять, куда меня притащили, раз уж понять «зачем» не вышло.

Цепь была достаточно длинной, чтобы я свободно перемещалась по комнате. Значит, вставать мне можно, а вот выходить из комнаты – нет. Я поднялась и подошла к окну, цепочка тихо шуршала по деревянному полу.

Первое, что я отметила, совершенно машинально – это отсутствие решёток. Вполне современный стеклопакет, за которым ветер шевелил листву на далёких деревьях. Комната на втором этаже, перед домом ухоженный ровный газон, солнце высоко в небе. Кажется, я провалялась в отключке всю ночь и часть утра... Но это тоже сейчас не так важно.

Высота небольшая. Если бы не украшение на шее, можно было бы попробовать вылезти. Сквозь качающиеся ветки деревьев просматривалась кирпичная стена. Значит, частный дом, стоящий, скорее всего, в укромном месте, где можно очень долго звать на помощь, но так и не дозваться.

Дверь открылась абсолютно бесшумно, но я уловила знакомый аромат туалетной воды. Пахло ледяной свежестью и опасностью. Я не обернулась, лишь опёрлась о подоконник, чуть изгибаясь и продолжая смотреть в окно. Пусть полюбуется на свой трофей, глядишь, мысли в правильном направлении потекут. А чтобы уж наверняка... Я закрыла глаза и отпустила гормоны на свободу. Чего не делала уже давно. Эстроген, что-то ещё... На самом деле не сильна я в науках. Невидимые и неосознанные, они сделают за меня всю работу, выделяют феромоны, взбудоражат нервную систему и сыграют танго на ваших мозгах. Сейчас здесь будет жарко. Остаться равнодушным сможет только дерево.

– Не старайся, я заблокировал рецепторы, – раздался мужской голос, и я резко обернулась.

Охотник! Чёрт! Чёрт! Чёрт! Это было похоже на удар под дых, когда его не ждёшь, когда почти уверен в победе. Надо же было так вляпаться. Не то, чтобы я его испугалась, но... Что такому как он, может быть нужно от такой, как я?

– Чем обязана? – Я присела на край подоконника и поболтала голыми ногами, в глубине души надеясь, что он сейчас расскажет о деловых партнёрах, которые приехали с востока и жаждут развлечений. Это было бы наименьшей из бед.

– Десять дней назад, гостиница Парк*Инн, двести сорок четвёртый номер, молодой оборотень восточной стаи, – по-военному чётко произнёс охотник, садясь на стул.

– И это всё? – Я едва не рассмеялась от облегчения. – Ради этого мог бы просто пригласить девушку на кофе.

– Где он? – бесстрастно спросил мужчина.

Кольнуло беспокойство, пока ещё неопределённое. Услуги охотника стоят недешево. И дело не в деньгах, хотя сумма довольно кругленькая. Заказчик расплачивается не только презренным металлом. К денежным знакам обычно прилагается что-то очень весомое. Например, сила, возможно, время или редкий артефакт. Вопрос в том, кто не пожалел всего этого богатства ради одной маленькой лайне?

– Понятия не имею, – честно ответила я. – Он мне не отчитывается.

Охотник прищурился. Врать не имело смысла, особенно по такому пустяковому поводу. Чем быстрее он получит ответы на вопросы, тем быстрее закончится наше общение. Я со слезами благодарности верну ему ошейник, он мне туфли, и разбежимся.

– Пусть так. – Он кивнул собственным мыслям. – Сделаю вид, что поверил. Ты не знаешь. А кто знает? Твой сообщник?

Я поёрзала, продолжая рассматривать охотника. Беспокойство только усилилось. Говорят, когда-то давно первые охотники были людьми. Сейчас в это верилось с трудом. Слишком высокий, особенно по сравнению со мной, широкоплечий, он подавлял одним своим присутствием. От пристального немигающего взгляда очень хотелось спрятаться или почесаться. Резкие черты лица, ещё немного, и они стали бы грубыми, отталкивающими. Но бог, или кто там у охотников вместо него, создавая это лицо, смог удержаться на тонкой грани и не перейти её.

Мужчина запустил руку в каштановые волосы...

Интересно, они на самом деле такие мягкие, какими кажутся или нет?

Я заморгала, осознав, о чём думаю.

– Давай, поясню, чтобы избавить тебя от лишних мыслей. Ты затащила парня в номер и отвела душу, трахнув его как следует. А через четыре часа горничная, пришедшая убирать номер, обнаружила залитую кровью постель. Матрас пропитался насквозь, и его пришлось выкинуть. Крови было столько, что вопрос о том, жив ли парень, даже не поднимался. Итак, повторяю вопрос. Где тело?

Я вскочила с подоконника и вытаращилась на охотника, неприлично широко открыв рот. Охотник ждал. Невозмутимо и спокойно продолжая следить за мной светлыми янтарными глазами. В них появилось что-то похожее на предвкушение. Он ждал, даже предвидел мои возражения, возможно, слёзы и уверения в невиновности. Он наблюдал такое сотни раз, и сто первый не покажется сколько-нибудь занимательным. Этот спектакль уже успел ему наскучить.

Я закрыла рот. Нет, играть по твоим правилам мы не будем. Кстати, а хорошо бы вообще узнать, что это за правила такие.

– Если я скажу, вы меня отпустите? – голосом маленькой заблудившейся в лесу девочки спросила я, едва удержавшись от обращения «дяденька». Не перегибать, Ани.

– Нет, – спокойно ответил он. – Не отпущу. Я взял на тебя контракт. Знаешь, что это такое? По глазам вижу, что знаешь. Заказчику нужно тело парня и заслуженная кара для его убийцы.

– Тогда почему...

– Что «почему»? Почему я не стал это скрывать? – Он скрестил руки на груди и вытянул ноги, положив одну на другую. – Когда гораздо проще было бы ответить утвердительно и сделать вид, что верю в твою невиновность, да вообще во всё то, что ты намеревалась мне наболтать? Да потому, что я никогда не вру. Ни клиентам, ни мертвецам. Думаю, ты слышала обо мне....

Вляпалась! По самую макушку. Он прав, я слышала о нём. Об охотнике, который никогда не врёт. Денис Тёмный, так его называли, или он сам себя называл. Понятия не имею, настоящее это имя или нет. О нём говорили вполголоса, патетично закатывали глаза и судорожно оглядывались, словно он мог услышать. Он не оставляет ни свидетелей, ни следов. Он всегда доводит дело до конца. И он никогда не врёт. Его имя стало нарицательным среди охотников. Да, я слышала, но никогда не встречала. Почему-то казалось, что он должен быть старше.

– Тогда почему я должна отвечать на твои вопросы, если ты уже всё решил? – дерзко спросила я, в то время как поджилки тряслись от страха. Маленькая глупая лайне...

– Потому что смерть тоже бывает разной. Ты мне всё расскажешь, даже если придётся снять с тебя кожу. Ты будешь кричать, будешь умолять, чтобы я тебя выслушал. И будешь благодарна, когда я сделаю это. Но можно отыграть спектакль по-другому. Ты расскажешь всё сама, а потом заснёшь после пары коктейлей. Заснёшь с улыбкой на губах и будешь видеть сладкие сны. Я даже окажусь столь любезен, что отдам твоё тело родным, а не сожгу в подвале. Как ты на это смотришь?

Честно говоря, я на это никак не смотрела. И смотреть не хотела.

– Даю тебе время на раздумья до вечера, – с этими словами он встал и пошёл к двери. И теперь уже я следила за каждым его движением, как следит мышь за удаляющейся кошкой, которая почему-то отказалась от загнанной добычи.

Он вышел, а я осталась упиваться собственной беспомощностью. Но, честно говоря, мне это быстро надоело. Всего лишь пару раз прошлась по комнате, в бессилии сжимая кулаки.

Тело он моё отдаст, благодетель желтоглазый! Нужно что-то делать. И как можно скорее. Умирать не хотелось совершенно. Но это, если можно так выразиться, меньшее из зол. А большее – это то, что, получив на руки мой труп, – мысль заставила поёжиться – отец не переживёт такого счастья, особенно после того, как он потерял маму. Или ещё хуже, и папа начнёт мстить. Но он такой же лайне, как и я. Инкуб. Хитрый, изворотливый, двуличный, но всё же не соперник охотнику. Вывод прост. Как бы ни обернулось дело для меня, этого допускать нельзя. Только вот выдержу ли я сдирание кожи? Вряд ли. Уж лучше подвал и огонь. Представив, как меня сожгут в печи, я села прямо на пол и на пробу всхлипнула.

Не скажу, что сильно понравилось, но стало чуть легче.

– Думай, Ани, думай, – скомандовала я себе.

Как же не хотелось в народные мученицы. Какая из меня героиня? Разве что отрицательная, рядом с которой приличным мученицам и стоять-то зазорно.

Я шмыгнула носом и потёрла глаза. Как назло, мысли были все какие-то отрывочные и бестолковые. То представляла, как расцарапаю лицо охотнику, то вспоминала молодого оборотня, которого угораздило так некстати откинуть лапы. Вот говорила же мне бабушка, что охотиться на нелюдей чревато, так нет же, не смогла пройти мимо молодого волка.

Он казался таким потерянным и несчастным, что я невольно замедлила шаг, а потом и вовсе подошла к лавке. Сиденье было мокрым от дождя, но для молодого плечистого парня это не имело значения. Чувствовалось в нём что-то некрасивое, изломанное, какой-то надрыв. И вкус этого надрыва манил меня, словно огонь в ночи. Он раздул ноздри и сразу понял кто я,

пусть до вечерней охоты было ещё несколько часов, пусть сейчас на мне были обычные джинсы и кофта. Поправка: очень обтягивающая кофта вот с такенным вырезом, куда не посмотрел бы только ленивый. Парень посмотрел и сглотнул.

Я не стала ничего говорить, просто взяла его за руки и повела за собой к ближайшей гостинице, к ближайшему свободному номеру, к ближайшей свободной постели. А он пошёл, не задав ни одного вопроса.

Толкнула его на кровать, а он упал, продолжая смотреть на меня снизу вверх. Я стащила и отбросила в сторону блузку, а молодой оборотень торопливо возился со своими пуговицами...

Воспоминания мелькали, как кадры из старого кино. Он уронил рубашку на пол, пальцы чуть подрагивали от напряжения. В нём было столько силы, она клубилась, рычала, билась и царапалась внутри него, как запертая в клетку фурия. Он был на грани срыва. Скоро человек обернётся зверем и убьёт всех, кто в этот момент будет рядом. Это один из этапов взросления перевёртышей, и чем сильнее должен стать волк, тем кровавее будет срыв. Обычно они чувствовали его приближение и успевали принять меры, да и наставники не одну собаку на этом съели, причём многие – буквально. Но за этим, видимо, не досмотрели. Или он настолько хорошо себя контролировал, что когда подошло время, оказался не в изоляции на псарне, а посреди улицы, посреди людей, среди бела дня. Я могла понять его страх перед подступающей яростью, страх перед первым обращением в зверя. Могла, потому что у лайне свои особенности переходного возраста.

Я наклонилась и накрыла его руки своими, но он оттолкнул их и зарычал. Предплечья парня покрылись короткими серыми волосками. Он был на грани. Если обернётся – убьёт! И в первую очередь – меня. Я дёрнула за пояс, отрывая пуговицу и стаскивая свои джинсы. Парень обхватил меня за талию и одним резким движением уронил на кровать, оказавшись сверху. Его тело дрожало, у него не осталось времени... У нас не осталось. Никаких изысков и ласк, никаких поцелуев, никаких сладких игр, никакого дразнящего промедления. Я схватила его за ремень брюк, растянула, чувствуя, как тело продолжает дрожать, стащила грубую ткань и... Никакой романтики, только действия, торопливые, порывистые. Его кожа казалась странно холодной, секунда промедления и она сползёт с парня, как одежда, и я окажусь под разъярённым зверем. Это страшно. И это, вопреки всякой логике и чувству самосохранения, возбуждает. Моё тело тоже, только не от ярости, а от предвкушения.

Он схватил меня за руки, заставляя вытянуться, и прижал ладони к покрывалу над головой. Мужские бёдра раздвинули мои, и он вошёл в меня сразу и до конца, нисколько не заботясь о моих ощущениях и не боясь причинить боль. Если его кожа была холодной, то плоть – просто ледяной. Я подалась вперёд, встречая его движение. Он вошёл в меня и вышел. Воздух казался обжигающе горячим по сравнению с его членом.

Тепло и холод сменяли друг друга всё чаще. Из его пальцев выскочили когти. Один из них проткнул мою ладонь в тот момент, когда член в очередной раз вошёл в моё лоно. Потекла кровь, взывая к зверю. Парень захрипел, сильное и гибкое тело покрылось испариной. Мои чёрные волосы спутались, его светлые стали похожими на шерсть.

Тепло и холод. Миг движения и миг покоя. Он не выдержал, отпустил руки и вцепился в мои бёдра, входя так глубоко и так сильно, что я вскрикнула. Оборотень захрипел, и его зрачки сузились, став маленькими-маленькими. Черты лица поплыли, а чресла содрогались и содрогались. Он почти упал на меня, и ставшие вдруг острыми зубы прокусили кожу над ключицей.

Миг покоя, миг наполнения, миг абсолютного холода. Миг, когда жизнь оборотня принадлежала мне. Я обхватила руками его голову и пила, пила, пила звериную силу, дерзкую и кусачую, которой, казалось, не будет конца. Я пила и захлёбывалась, но никак не могла остановиться. Молодость, напор, ловкость и магия древней, как мир, крови – оглушительный коктейль, терпкий до дрожи, до крика наслаждения. Его и моего. Теперь мы дрожали вместе.

Я тогда хлебнула столько, что дней десять не охотилась. Могла бы валяться в постели и несколько месяцев, но сидеть дома оказалось на удивление скучно, и вчера я снова вышла на улицу. Не потому что была голодна, а из любви к искусству, так сказать.

За всё время, что мы провели вместе, молодой альфа сказал мне лишь одно слово. Он приподнялся на руках и прошептал: «Спасибо». Сила схлынула, и его кожа снова стала тёплой, изменился запах. Теперь он пах растерянностью, виной и другой женщиной. У него уже была пара. Настоящая пара, и он хотел быть с ней, а не со мной. Но не смог остановиться.

Я вздохнула светлые волосы молодого оборотня и выбралась из постели, а потом и из номера. Когда я уходила, он был жив, валялся на кровати со спущенными штанами и горестно разглядывал потолок. Можно, конечно, пофантазировать и представить, что терзаемый угрызениями совести парень сам перерезал себе... Что? Вены? Горло? Вспорол брюхо? Какая собственно разница, главное, пустил кровь. Точно, а потом, передумав умирать, встал и ушёл в неизвестном направлении. Или вместе с телом вознёсся на небеса, оставив меня всё это расхлёбывать.

Ведь это не игра, не недоразумение, которое вот-вот разрешится. Ибо думать так – прямой путь в подвал. Охотник не шутил и не врал. На меня заключили контракт. И теперь либо охотник убьёт меня, либо невыполненный контракт убьёт его.

– Что же с тобой случилось? – вслух спросила я. – Кто вошёл в тот номер после меня, когда ты был удовлетворён и расслаблен, как щенок? Кто воспользовался тем, что я выпила твою силу?

Я медленно встала. Сидя здесь, в ошейнике из секс-шопа этого не узнаешь. Вывод прост – надо выбирать. Я зло дёрнула цепочку. Если ошейник был самым обычным, то цепочка оказалась добротной, легко не разорвёшь. То есть оборотня не удержит, а вот лайне – вполне.

Стоп. А зачем рвать цепочку, когда можно... Я снова ощупала ошейник. Так и есть, самый обычный, фабричная штамповка. Я повидала таких немало, как и клиентов, предпочитающих этот аксессуар другим. Одни примеряли его сами, другие смотрели, как это делаю я. Одни освобождали, иные уходили, оставляя меня в слезах и на привязи. Им доставляла необъяснимое удовольствие мысль, что девушку в таком виде найдёт горничная. О да, я открыла немало таких замочков. И могла сделать это с закрытыми глазами обычной шпилькой. Вот только шпильки у меня сейчас не было. Я задумалась. Шпильки не было, зато была... Я коснулась мочки уха. Была серёжка.

Зря ты не раздел меня, охотник. Надо было отобрать всё, даже серебряные листики – серёжки, что качались в ушах.

Я слишком торопилась, и замок поддался с третьей попытки. Две полукруглые половинки упали на пол. Что ж, было приятно погостить. Я бросилась к окну и потянула створку, до последнего ожидая подвоха. Но окно беспрепятственно открылось. Никакой блокировки, никаких скрытых датчиков. Я оглянулась на пустую комнату и, повинувшись наитию, подхватила стул и приставила к ручке двери. Конечно, надолго это охотника не задержит, максимум на минуту. Но это будет моя минута.

Глава 3. Чужой дом

Подвох всё-таки был, но я поняла это слишком поздно. Он ждал внизу, когда я вылезла в окно, осторожно свесила ноги, потом тело и наконец, повиснув на руках, разжала пальцы. В плане силы и ловкости лайне далеко до оборотня или охотника, но мы всё же сильнее, выносливее и крепче людей.

Я мягко приземлилась и тут же бросилась к кустам, к ближайшей тени, где смогу затеряться так, что никто не найдёт. Там меня и поджидал сюрприз. Даже целых три, и ещё два маячили в отдалении. Собаки. Матёрые кобели. Уж кого-кого, а кобелей я определяю сразу, даже если они бегают на двух лапах вместо четырёх.

Псы вскочили. Я мысленно застонала. Вот угораздило же отпустить гормоны на волю. И главное без толку, только себе хуже сделала. На собак выделяемые лайне запахи действуют несколько иначе, чем на людей и другую нечисть, вроде ведьмаков и оборотней. В псах тоже просыпается желание. Желание разорвать тебя на части. Я редко отпускаю гормоны, и в основном мы с собаками сохраняем вооружённый до зубов нейтралитет и порываем друг на друга издалека.

От псов не ускользнёшь в тень и не убежишь, хотя попытаться, конечно, можно. Однажды бродячая стая загнала меня на дерево и убралась только после того, как приехала служба отлова, которую естественно вызвала я. Так что у собачьего рода ко мне накопилось немало претензий

Псы оскалились, подрагивая от напряжения.

Я бросилась обратно к дому, слыша за спиной мягкий перестук звериных лап, и рассерженной кошкой взлетела на подоконник. Собачьи зубы клацнули в миллиметре от моей ноги. Серьёзные зверюги, не игрушки для гостиной, а бойцовые псы из той гладкошёрстной породы, что протёр тряпчочкой – и на ринг. Послушные, быстрые, не пустолайки. Даже шум не подняли, умницы какие.

Пёс поставил лапы на стену и уставился на меня с антигастрономическим интересом. На широкой морде явственно читалось отвращение. Я всё детство выпрашивала у отца щеночка, а он вместо этого отвёз меня в зоопарк. Звери в клетках словно взбесились. Это было ужасно... познавательно. Правда, собаку захотелось ещё больше.

Опоздавшие псы пробежались вдоль фасада и уселись под окном, не спуская с меня чёрных внимательных глаз. Я подёрнула створку. Заперто. Самое время взлететь на второй этаж, залезть обратно в комнату, надеть ошейник и сесть в ожидании прихода хозяина, как вот эти собачки. Я переступила голыми ногами по подоконнику, вытянула шею и посмотрела на соседнее окно. Створка была чуть приоткрыта. Тот пёс, что стоял на задних лапах, тоже покосился на соседний подоконник и насторожил уши.

– Ага, – подтвердила я самые худшие собачьи опасения и, прижавшись к шершавому кирпичу, полезла на следующее окно.

Пёс оттолкнулся лапами от стены и негромко гавкнул, отбежал и вернулся к фасаду. Остальные тоже заволновались. За меня переживали, не иначе. Особенно, когда едва не сорвалась. Но всё-таки мне удалось перебраться на соседний подоконник. Я выдохнула, толкнула раму, обернулась и послала псам воздушный поцелуй, чем, похоже, разозлила их ещё больше. Через сутки уровень гормонов в крови пойдёт на спад, тогда мы с ними снова сможем делать вид, что не подозреваем о существовании друг друга.

Я села на подоконник и прыгнула в комнату. Голые ноги коснулись пушистого ковра. На секунду после светлого дня комната показалась непроницаемо чёрной, но зрение быстро перестроилось. Тёмные обои и шторы, шкафы, полки с книгами – кабинет или библиотека с

камином, в котором алыми всполохами тлели угли. Два кресла рядом с круглым столиком, на нём мерцал экран открытого ноутбука. Одно кресло повернуто к огню, а вот второе...

Из второго торопливо поднимался молодой человек. В первый момент я даже приняла его за охотника, тем более, что ледяной аромат знакомой туалетной воды ощущался очень отчётливо. Но мужчина, сделавший шаг навстречу, выглядел моложе, волосы были длиннее, а вот глаза оказались такими же светлыми. Разве что лучиков-морщин не хватало.

– Вы... вы... – начал он.

– Я, – подтвердила я с готовностью, тряхнула головой, и волосы рассыпались по плечам.

– Вы кто? – наконец сформулировал он свой вопрос.

– Гостья. – Я коснулась пальцем его груди, и даже сквозь тонкий свитер почувствовала, как незнакомец вздрогнул.

Его сердце забилося быстрее. Ну хоть кто-то реагирует как надо. Я подошла вплотную к мужчине, а тот растерянно отступил на шаг и упал обратно в кресло. Я не дала ему опомниться, склонилась и...

В последний момент он отвернулся, и я вскользь коснулась губами его подбородка.

– Чья гостья? – почти шёпотом спросил он, а его руки уже сжимали мою талию.

Я улыбнулась, касаясь пальцами его шеи. Пульс был просто сумасшедший.

– Чья? – повторил он, притягивая меня к себе на колени.

На журнальный столик с тихим и каким-то будничным звуком опустился бокал с янтарной жидкостью. Я подняла голову и встретила взглядом с яркими глазами цвета мёда.

– Моя, – произнёс, сидящий в соседнем кресле, охотник и иронично спросил: – Я вам не мешаю?

– Нет, – искренне ответила я, и поёрзала на коленях у парня. Тот тихо охнул.

– Тогда прошу, – он взмахнул рукой – продолжайте. И саркастично добавил: – Гостья.

За окном заскулил пёс.

Парень, на чьих коленях я устроилась, вдруг вскочил и едва не скинул меня на пол.

– Я должен... должен идти. Денис, извини. – Он быстрым шагом направился к выходу. Джинсы спереди красноречиво оттопыривались. – Ты бы хоть предупредил, что у нас здесь... Здесь такое, – растерянно закончил он, закрывая за собой дверь.

– Ну вот. – Я села на освободившееся кресло.

Охотник отпил из бокала, поставил его на столик, встал и подошёл к окну.

– Место, – отдал мужчина команду, и я услышала, как псы бросились обратно к кустам, как скребли их когти по каменной тропинке двора. Охотник закрыл створку, никак не прокомментировав мою попытку побега.

– Что там ещё? Кроме собак? – спросила я.

– Много чего, – ответил он. – Захочешь узнать – узнаешь. Но помни, сегодня ты и двух метров от дома не прошла. Может, хватит с тебя и собак?

Я отвернулась. Экран компьютера продолжал гореть. Что там у него? Какие-то графики, покупка, продажа. Вернувшийся к столику охотник закрыл ноутбук и спросил:

– Чего надумала? Будешь сотрудничать? Или в подвал?

Я пожалала плечами. Хороший жест, ни к чему не обязывающий. Звякнуло стекло, мужчина поставил на столик второй бокал и плеснул в него янтарной жидкости.

– Выпей со мной. – Он легонько коснулся моего бокала своим.

Я принялась. Коньяк, лет десять выдержки, а может, и больше. И хотя обычно я избегаю алкоголя, сейчас подняла бокал.

– А потом ты снимешь с меня кожу?

– Я же обещал, – серьёзно ответил мужчина.

И я ему поверила. Он не рисовался, не врал, не брал меня на понт, он констатировал. Это-то и пугало.

Я пригубила напиток. Желудок отозвался недовольным бурчанием. Магическая часть лайне была сыта, а вот физическая...

Живот заурчал вновь. Очень хотелось есть.

– Идём, – скомандовал охотник поднимаясь.

От неожиданности я хлебнула ещё коньяка и закашлялась.

– В подвал тебе придётся меня тащить. Буду орать дурниной. И почти наверняка кусаться, – предупредила я.

– Учту, – кивнул он. – Но я дал тебе время до вечера. А пока, – он открыл дверь и приглашающе взмахнул рукой – идём есть. Или ты на диете?

Взгляд мужчины оценивающе скользнул по моей фигуре. Уже лучше.

К сожалению, в кухне, куда меня привёл охотник, к аппетитным запахам прилагалась повариха. Или домоправительница. Или кем приходилась охотнику эта пожилая сухопарая женщина с короткими выбеленными волосами?

– Валентина Павловна, накормите нашу гостью. – Охотник первым присел к полированному столу.

Современное оборудование, стекло, хром, глянец и холодные серые глаза накрывающей на стол женщины. Глаза, которые не упустили ничего: ни короткого, едва прикрывающего попу платья, ни выреза, ни голых ног.

Кроме собак, лайне ещё очень не любят такие вот женщины. Они прожили свою жизнь правильно. Правильно работали, правильно выходили замуж, правильно рожали детей и правильно их воспитывали. Они познали сокровенный смысл слова «правильный», и такие как я в этот смысл не вписывались. Совсем. Эта, к примеру, смотрела так, словно я уже побывала замужем поочередно за каждым из её сыновей и теперь не давала ей видаться с внуками.

Тарелка с умопомрачительно пахнущим куском мяса стукнулась о столешницу передо мной чуть громче, чем это необходимо.

– Спасибо, – с чувством поблагодарила я.

Женщина поджала губы, отчего её рот сразу стал похожим на куриную гузку.

– Валентина Павловна, Ани поживёт у нас некоторое время, – обрадовал её охотник. Не знаю, что меня удивило больше: то, что он знал моё имя, или слово «поживёт». – Обеспечьте девушку всем необходимым.

На лбу женщины появились вертикальные морщины.

– Она суккуб, – пояснил охотник.

А вот это уже интересно. То есть повариха в курсе, кому служит и какие в этом доме бывают гости?

– И подрабатывает девочкой по вызову.

– Точно, – поспешила согласиться я. – А он меня вызвал.

Женщина с грохотом опустила крышку на одну из кастрюль и вышла. Надеюсь, не замышьяком.

Ели в молчании. Вернее, я ела, а мужчина смотрел куда-то поверх моей головы. Тишина казалась вязкой, как кисель, иногда её разбавляло фырканье закипевшего чайника или стук столовых приборов.

Аппетит улетучился раньше, чем опустела тарелка. Я отложила вилку.

Что я тут делаю? Почему мирно сию напротив, вместо того чтобы расцарапать охотнику физиономию?

Словно поняв, о чём я думаю, взгляд его золотистых глаз задержался на моих руках. Я отодвинула тарелку. Открылась и закрылась дверь, в кухню вернулась... как её там? Валентина Павловна?

– Спасибо, всё было очень вкусно, – проговорила я.

Она посмотрела на недоеденный кусок мяса. Складка на лбу стала ещё глубже.

– Вот, переоденься. – Женщина положила на стол что-то хлопковое, с пуговицами и ромашками по ткани.

– Спасибо.

Я с готовностью вскочила и одним движением стащила с себя платье. Переодеваться, так переодеваться. Жаль только, что белья на мне не было – бюстгалтер не надела, а трусики остались на память тому парню в отеле. Хотя вру, ни капельки не жаль.

Бабка охнула и перекрестилась. Неужели верующая? Занятно.

Охотник был куда сдержаннее на эмоции. Он окинул меня взглядом от пальцев ног до макушки. А потом обратно.

– Заканчивай цирк, – лениво произнёс он.

Слишком лениво. Лишь слегка изменилась интонация. Настолько слегка, что человек бы ничего не услышал.

Я склонилась к мужчине, накрывая его ладонь своей. Моя грудь оказалась прямо напротив его глаз. Пусть хорошенько рассмотрит то, от чего отказывается. Рука охотника едва заметно дрогнула, пульс замедлился, чтобы тут же пуститься вскачь. Мои соски напряглись...

Наверное, тот глоток коньяка был лишним, или я слишком воодушевилась, поняв, что не настолько безразлична мужчине, как тот пытался показать. А может, ещё что... Но итог один – я совершила ошибку.

– А ты не такой неуязвимый, каким кажешься, Денис.

Я ещё не успела договорить, а тарелка уже полетела в одну сторону, стол в другую. Зазвенела и рассыпалась стёклами столешница. Крепкие пальцы обхватили мою ладонь. Он дёрнул меня на себя. Я ударилась коленями о стул и упала, осколки впились в голые ступни. Второй рукой охотник схватил меня за волосы, заставляя задрать голову и посмотреть в лицо.

– Скажу один раз, сук... суккуба. – Он дёрнул так, что у меня на глаза навернулись слёзы. – Во-первых, я запрещаю произносить моё имя. А во-вторых, можешь вертеть задом как угодно. Можешь гордиться этим, но даже если я снизойду до грязи вроде тебя и трахну в ту дырку, что ты сейчас с таким усердием демонстрируешь, это ничего не изменит. Тебя ждёт уютная могилка метр на два.

Я судорожно выдохнула, потому что знала, что последует за этим. Он отбросит меня, как грязную тряпку. Отбросит и перешагнёт, а вечером вернётся, и тогда я смогу до хрипа выкрикивать его имя и сотню других до кучи, но это уже не будет иметь никакого значения.

Одна ошибка уже есть, и думаю, что ещё одна не будет иметь никакого значения. Несмотря на боль, я подалась вперёд и посмотрела ему в глаза.

– Ты прав, охотник, – прошептала я. – Я суккуб. Ты знаешь, как мы убиваем. – Я почти коснулась губами его уха. – Так зачем мне пачкаться? Зачем пускать кровь мальчишке, если он и так был мой, от члена до затылка. Я могла осушить его до дна одним глотком, и он бы умер с улыбкой на губах. Моё дело – это удовольствие, а ножи и кровь – это по твоей части, охотник. Не моей.

Несколько секунд мы так и смотрели друг на друга. То ли враги, то ли любовники, то ли бывшие, то ли будущие. И он всё-таки отбросил меня. Отбросил на битое стекло, перешагнул и ушёл, не оглянувшись. Но вопреки боли, вопреки порезам и страху, вопреки всему, я знала – этот раунд остался за мной.

Тогда почему же на глаза всё ещё наворачивались слёзы?

– Вставай, нечего сырость на моей кухне разводить.

Я подняла голову. Надо мной, уперев руки в бока, стояла Валентина.

– Вставай-вставай. – Она покачала головой и поставила на стул, где сидел охотник, аптечку. – Ишь какая. – Повариха или домработница, или кто там она в этом доме, смотрела, как я поднялась с пола. – Где это видано, чтобы девки платья перед мужиками скидывали?

Я едва подавила желание подробно объяснить ей, где.

– Нашла из-за чего реветь. – Она легонько стукнула меня по руке, не давая дотронуться до пореза на бедре, и ловко вытащила осколок стекла невесть откуда взявшимся пинцетом. – Чего глазищи бесстыжие вытаращила? – Я моргнула. – Зеленеющие, как у кошки, а волосы... – Она обвиняющее ткнула в меня бутылочкой с перекисью. – Красишь, небось? Чёрные, как вороново крыло. Красивая же девка.

Я покорно кивнула, а она стала обрабатывать порез, продолжая говорить:

– Такую не грех и в жёны взять. Так зачем на мужиков вешаться? В гетеры потянуло? – спросила Валентина, и от того, с каким значением она произнесла это старомодное «гетеры», я едва не рассмеялась. – Под мужиков ложиться, разве ж это дело? Кто себе такую судьбу выберет? И чем только девки думают?

– А вы когда выбирали свою, о чём думали? – с интересом спросила я. – Когда решили стать человеком?

– О чём ты? – Домоправительница наклеила на рану пластырь и подняла голову. – Я не выбирала. Я родилась человеком.

– Так и я, – пожала я плечами – такой родилась. Заниматься сексом для меня, – губы женщины снова сжались, думаю, слово «секс» ей не понравилось – так же естественно, как дышать. И без этого «кислорода» я очень скоро задохнусь и умру.

Ну не рассказывать же ей, что это «скоро» растянется лет на двести. Я не человек и стареть буду очень медленно. Другое дело, что я планирую навсегда остаться девчонкой-старшеклассницей.

– Прикройся, бесстыдница! – Валентина швырнула в меня чем-то похожим на пижаму. – И шагом марш в комнату.

– Может, вам помочь прибра...

– Второй этаж, третья дверь с правой стороны, – отрезала бабка. – Надумаешь бежать, скажи, чтобы я обед собачьим иродам не готовила.

Я остановилась возле двери, всё ещё нагишом, прижимая к груди ворох одежды.

– Валентина Павловна...

– Чего тебе, греховодница?

– Я дверь в комнате стулом подпёрла. Изнутри. Когда убегала, – пришлось признаться мне.

Бабка закатила глаза к потолку и пробормотала что-то очень похожее на молитву. Нет, не на молитву, а на ругательство. И некоторые словосочетания были мне незнакомы.

Глава 4. Гостиничный номер

То, что охотник не пришёл за моей шкурой, я поняла лишь на следующее утро, проснувшись и обнаружив все части тела на положенном месте. А ведь думала, что не засну. Но, побегав по комнате в своё удовольствие и вдоволь полюбовавшись на ошейник, я прилегла на край кровати и не заметила, как уснула.

Один день я у охотника отыграла. Отыграть бы ещё один, и когда гормоны пойдут на спад, можно стащить на кухне кусок колбасы для собачьих иродов и снова попробовать сбежать. План, конечно, так себе, но другого пока не было.

– Разве что рассказать охотнику правду, – пробормотала я. Открыла глаза и увидела своё красное платье. Вычищенное и отглаженное, оно висело на спинке кровати. Я села. На полу стояли мои туфли на высоком каблук.

– Рад, что ты вняла голосу разума, – услышала я.

Охотник сидел на стуле и задумчиво вертел в руке ошейник. Я подтянула одеяло к груди. Странно, наготы я не стеснялась, а вот дурацкой бабкиной пижамы в ромашку застыдилась. Мужчина поднял бровь, и я заставила себя разжать руки. Чёрт знает что!

– Одевайся. – Он отбросил ошейник, и тот, звякнув цепью, упал на пол. – Быстро.

– Что?

– Лайне страдают глухотой? – издевательски переспросил он. – Одевайся. Мы едем в гостиницу, где ты обслуживала оборотня. Попробуем восстановить события на месте.

– Так значит... значит... – Я вскочила, торопливо стаскивая чужую пижаму. – Ты мне поверил?

Взгляд охотника опустился на обнажённую грудь. Соски тут же затвердели. Я едва удержалась от соблазна дразняще провести руками по груди. Осторожно, Ани, не всё сразу.

– Нет, – ответил охотник поднимаясь. – Просто решил всё ещё раз проверить.

– Ага.

Я натянула платье на голое тело и пригладила длинные волосы пальцами. Как сказала бабушка, я умопомрачительно красива, даже растрёпанная и невыспавшаяся. Как и все лайне. Красива настолько, что каждый проходящий мимо мужчина замедлит шаг.

– Всё, – отчиталась я. Туфли добавили мне роста и теперь я доставала охотнику почти до плеча.

Собаки всё ещё носились по саду. Досадно. Интересно, их когда-нибудь запирают? Если да, я бы не отказалась узнать, когда.

– Держись за мной, – приказал мужчина и тихонько свистнул. Три агатово-чёрных зверя тут же бросились к нам. Нет, не к нам, а к нему.

– Ты сейчас на меня залезешь, – заметил охотник, когда я прижалась к мужчине всем телом. Впервые в моих мыслях не было сексуального подтекста. – Боишься собак?

– Они нас не любят, – наябедничала я.

– Вас никто не любит. Вы слишком... слишком...

– Хороши?

– Навязчивы. Рядом, – скомандовал он, и псы, вертя обрубками хвостов, побежали рядом с мужчиной.

– Охотники тоже не подарок, – обиженно ответила я. Непонятно почему, но его слова меня задело, хотя лайне называли и похуже.

Мы дошли до кирпичной стены. Собаки, повертевшись у ног охотника и не получив никаких команд, убежали обратно в сад. Выезд с территории перегораживал шлагбаум. Сидящий в будке охранник равнодушно скользнул по мне глазами и снова уткнулся в кроссворд.

В тени стоял тёмно-синий внедорожник, дверь которого охотник распахнул передо мной. Внутри машины приятно пахло кожей и ледяной туалетной водой моего спутника... моего тюремщика. На приборной панели отсутствовали всякие милые мужскому сердцу побрякушки в виде качающихся головами болванчиков, чётков и миниатюрного иконостаса вместо страховки. Даже дезодоранта в форме ёлочки не было, даже подставки под смартфон, словно автомобиль только вчера покинул автосалон и новый хозяин ещё не придал машине индивидуальности.

Я села, едва подавив желание сбросить туфли и забраться на сиденье с ногами. Не с охотником. И не сейчас.

– Мне надо объяснять, что с тобой будет, если попробуешь сбежать? – спросил он, заводя мотор.

– Нет, – ослепительно улыбнулась я.

– Ты всё равно попытаешься, – вздохнул Денис, который запретил так себя называть.

Я продолжала улыбаться. Конечно, попытаюсь.

Машина остановилась перед шлагбаумом. Охранник в камуфляжном костюме вышел из будки и кивнул сидящему за рулём мужчине.

Я мысленно застонала. У охотника в охранниках был леший. Самый что ни на есть дубовый. У выражения «бревно бесчувственное» есть много значений. И одно из них сейчас как раз поднимало шлагбаум.

Леший – смотритель леса. Он сам и есть этот лес, он врос корнями в землю, слился с листвой, переплёл пальцы с ветвями. Вся женская красота мира ему без надобности. Если на кого не действуют чары лайне, так это на леших. Слишком разные мы с ними, слишком далеко ушли друг от друга. У них нет гормонов, их кровь иная. Вообще не уверена, что она у них есть.

Я отвернулась, но успела заметить, как уголки губ охотника чуть дрогнули в намечающейся улыбке. Мужчина нажал на газ, и камера на стене повернулась, провожая нас единственным чёрным глазом.

За прошедшую декаду гостиница несколько не изменилась. Даже портье за стойкой кивнул мне, как старой знакомой, и смог удержаться от сальных шуточек. Видимо, вспомнил, чем закончился мой прошлый визит, и вряд ли желал повторения.

Тот же номер, тот же вид из окна. Дверь захлопнулась, тихо клацнул замок.

– Ну, – поторопил меня охотник, – рассказывай.

Я взяла его за руку и повела за собой в спальню. Легонько, без принуждения, готовая в любой момент остановиться, если он опять вспылит и отдернет ладонь. Но он не отдернул. Он последовал за мной, а внимательный взгляд светлых глаз сопровождал каждое моё движение, каждый мой шаг. Наш шаг.

– Что ты делаешь? – спросил охотник.

– Рассказчик из меня так себе, – призналась я, взяв его за вторую руку и положив мужские ладони себе на талию. – Давай лучше покажу, так будет достовернее. В интересах дела, конечно, – не удержалась я от провокации. Простенькой, детской, безыскусной. Но, странное дело, она сработала.

Я сделала ещё один, последний шаг к кровати и потянула мужчину на себя. Охотник шагнул вместе со мной. И вместе со мной упал на кровать, выставляя руки, чтобы не навалиться на меня.

– Дальше, – потребовал мужчина.

– Дальше? – Я упёрлась руками ему в грудь. – Я была сверху...

Он тут же перекатился, чтобы я оказалась на нём. Мужские руки сжались на моей талии. Тонкое платье собралась под его ладонями, его ноги касались моих, жёсткая ткань джинсов тёрлась о тонкую кожу внутренней стороны моего бедра.

– Я расстегнула на альфе рубашку.

Мои пальцы пробежались по свитеру охотника, к сожалению, лишённом застёжек. Значит, будем импровизировать. Недолго думая, я задрала мягкую ткань, обнажая мужскую грудь. И едва не замурлыкала от удовольствия. Кончики пальцев словно впитывали тепло чужого тела. Оно передавалось мне, согревая ладони и заставляя желать большего. Не задумываясь о том, что делаю, я склонилась к груди и лизнула сосок, дразняще провела языком по коже...

Охотник напрягся, а в следующий миг мы поменялись местами. Вернее, он сбросил меня с себя на кровать и навис сверху. Бывшее несколько минут назад равнодушным лицо исказилось от ярости.

– Дальше, – прорычал мужчина, пока я раздумывала, не запустить ли пальцы в его шевелюру и притянуть ближе?

«Что с тобой, лайне? Ты ума лишилась?» – спросила я себя. Но ответа не находила. Всегда знала, что и как надо делать. Знала, но не жаждала этого с такой силой. Откуда взялось это желание? И эта неуверенность? Откуда взялось тепло, что всё ещё греет ладони?

– Дальше парень... – Я красноречиво коснулась пряжки ремня брюк охотника.

– Рад за него, – он перехватил мою руку, – но мы это пропустим. Что-то ещё было? Что-то помимо секса? Он о чём-то говорил? Чего-то боялся?

– Да, он боялся, что не успеет, что сорвётся раньше чем...

Охотник сел на кровать.

– Ты бесполезна. Ты не умеешь думать без члена внутри.

– А ты проверь, – предложила я.

Светлые глаза охотника потемнели и стали напоминать патоку. На мгновение, мне показалось, что он так и собирался сделать. Вдох получился чересчур глубоким, бюст приподнялся на неподобающую высоту.

– Очень впечатляюще, – прокомментировал мужчина, а я порадовалась, что грудь всё же не осталась незамеченной.

Охотник встал и одёрнул одежду. Я села и обхватила руками колени, зная, что так выгляжу миниатюрной и беззащитной. Пусть смотрит.

– Последний шанс, суккуба. Или ты что-то вспомнишь, или я буду уверен, что убила именно ты, а теперь пудришь мне мозги.

– Да я бы с радостью. В смысле, вспомнила, но... – Я пожала плечами, и лямка платья упала.

– Хоть что-нибудь? – не отставал мужчина. – Неосторожная фраза? Жест? Запах?

Я нахмурилась.

– Что? – Охотник шагнул обратно к кровати.

– Запах, – ответила я. – От него пахло другой женщиной.

– Неудивительно. – Мужчина разочарованно отвернулся. – Он сын вожака восточной стаи. Таким пару подбирают едва ли не с рождения, у него есть волчица.

– А кто говорил о волчице? – перебила я. – От него пахло обычной человеческой женщиной.

– Уверена? Может, просто неудачная туалетная вода?

– Уверена. – Я встала с кровати. – Уж запах другой женщины мы, лайне, определяем без труда.

Минуту он молчал, просто стоял и смотрел в окно. Будь на его месте кто-то другой, я бы уже давно подошла, встала позади, провела бы рукой вдоль позвоночника. На мужском теле столько чувствительных точек...

– Пора поговорить с заказчиком. Не люблю, когда от меня скрывают такие важные детали. Но если ты меня обманываешь... – Он не закончил, но оборванная фраза прозвучала не менее угрожающе.

– Да-да, помню про подвал. – Я надела сброшенные туфли и спросила: – А кто у нас заказчик?

Девушка прошла из одного конца комнаты в другой, едва не споткнулась о шаткий столик, но даже не заметила этого.

– Я не понимаю, – раз в третий воскликнула она. – Я наняла вас совсем не для этого!

От неё пахло негодованием, осенними листьями, ветром и мокрой шерстью. Молодая самка, импульсивная и, кажется, влюблённая. Белая длинная шерсть, вернее, волосы, серые глаза, мускулистое тело спортсменки... Волчицы.

– Вы должны найти его тело! – выкрикнула она, комкая салфетку. – И покарать убийцу. Так вот и ищите его! Почему я должна... – Она посмотрела на меня, точёные ноздри раздулись. Волчица поняла кто я, так же как и я поняла, кто она. – Зачем вы притащили с собой эту... эту...

Я с любопытством подалась вперёд. Интересно, какой эпитет подберёт блондинка?

– Повторяю вопрос. У вашего жениха была другая женщина?

– Не знаю, не уверена.

– Враньё, – не удержалась я. – Не с твоим чутьём.

Девушка сверкнула глазами и упала в кресло.

Я огляделась. Красивая квартира на седьмом этаже высотного дома с парковкой, охраной, прачечной и пекарней на первом этаже. Серо-стальные оттенки, плавные линии и изящные изгибы хромированной мебели – всё это явно работа хорошего дизайнера. Всё такое холодное, стильное и безликое. Моя захламлённая квартирка на втором этаже старенького дома и то уютнее будет.

– Если не начнёте говорить, я расторгну контракт и потребую неустойку.

– Он тяготеет к подвалам, – наябедничала я.

– Не посмеете! Вы... вы...

Я отвернулась, мысленно подначивая белобрысую. Ну, давай же, разозлись! Пошли его к чёрту. Кто платит, тот и заказывает музыку! Ты же не хочешь это говорить, не хочешь проносить вслух то, что жжёт внутри. У твоего оборотня была другая! Так пусть это останется тайной. Пусть охотник бросит контракт. И как только он это сделает, для меня всё кончится. Прямо здесь и сейчас. Ему станет всё равно, кто и за что убил волка. А я просто встану и уйду. Просто встану и...

– Кто она? – спросил охотник.

Девушка вздохнула и опустила голову, сразу став как будто меньше ростом. Весь её запал куда-то пропал. Чёрт!

– Обычная продавщица из магазина. – В голосе волчицы слышалось едва уловимое рычание. – Таким цена три копейки в базарный день, да и то никто не купит.

– Имя, адрес, – потребовал мужчина.

– Елена Анисимова. – Девушка по-прежнему не глядела на нас. – Работает в магазине «Симпатии». Статусная лавочка, а продавцы – дешёвка. Это в торговом центре «Солнечный»...

– Найду, – перебил охотник.

– Домашнего адреса не выясняла.

– Почему? – нахмурился Денис.

– Потому! – выкрикнула блондинка. – Если бы знала, точно бы туда наведальась. И если бы он там был... был с ней... был... – Она сжала кулаки, и ногти стали удлиняться и загигаться внутрь.

– Вы повторяетесь, – заметила я.

– Найди его, охотник, – вскочила девушка. – Найди моего Алекса. И его убийцу!

– Найду, – просто и без пафоса ответил мужчина.

Он не обещал, а констатировал факт. Девушка упала обратно в кресло. И последнее, что я увидела, покидая вслед за охотником квартиру – точёные плечи, которые сотрясались от рыданий.

Всю дорогу от подъезда до автомобиля охотник крепко держал меня за руку. Так крепко, что будь я человеком, наверняка остались бы синяки. Я даже старательно оглядывалась, словно в ожидании момента, когда можно будет сбежать. Смешной. Когда такой шанс представится, я и вида не подам.

– Можно вопрос? – Я села на переднее сиденье автомобиля.

– Нет. – Охотник захлопнул дверь, обошёл внедорожник и устроился за рулём.

– Ну и ладно.

Я отвернулась к окну. Машина заурчала двигателем и мягко тронулась с места.

Интересно, а если открыть дверцу прямо сейчас, пока мы не набрали скорость, и выпрыгнуть на ходу, есть шанс не разбиться? Выскочить, и не только не свернуть шею, но и, нырнув в переулок, затеряться среди уютных тёмных дворов и подворотен? Не знаю. А вот разблокировать дверь точно не получится. Это вам не старенькая классика. Чёрт, не мог завести тебе таратайку без центрального замка?

Охотник нажал на тормоз, сбрасывая скорость. Машина, проехав ещё метров двести, остановилась у тротуара

– Спрашивай, – раздражённо разрешил мужчина.

– Благодарю, я уже передумала, – продолжая смотреть в окно, ответила я. Зря, наверное. Мужчина схватил меня за волосы и дёрнул на себя.

Точно зря

– Чего ты хотела? – чётко выговаривая каждое слово, спросил охотник.

– Ты испортил мне причёску, – пожаловалась я, пытаясь улыбнуться. В его глазах появилось что-то... что-то неправильное. На миг мне показалось, что зрачки изменили форму. – Всего лишь хотела узнать, почему великого и всесильного охотника наняла невеста – я выделила голосом это слово – погибшего? По законам стаи она ему никто, пока он не признал её парой. Почему она, а не родители? Если его отец вожак...

– Именно поэтому. Вырос новый альфа, и вряд ли он хотел бросить вызов отцу. – Охотник держал меня за волосы, причиняя боль и словно не замечая этого. – В стае не может быть двух вожаков. Волка, способного сразиться за власть, изгоняют сразу после первого выплеска силы, после первого обращения. И этого Алекса...

– Изгнали, – шёпотом закончила я. От боли в висках на глазах выступили слёзы. – Ему предстоит самому собрать свою стаю.

– Предстояло, – поправил меня мужчина. – Теперь и его волчица вернётся к родителям.

– Она, похоже, влюблена и могла ревновать. Наверняка ревновала, в ярости оборотни совершали и не такое.

Охотник притянул моё лицо к своему, разглядывая, словно диковинную зверушку и немного удивляясь тому, что эта зверушка умеет разговаривать.

– Это такой завуалированный вопрос – являешься ли ты ещё главной подозреваемой? Отвечу: являешься. Если бы его убила волчица, зачем ей в таком случае нанимать меня?

– Может, это мудрёное самоубийство. Муки совести, они такие.

– Может быть. Но контракт будет выполнен в любом случае, даже если заказчик и заказанный одно и то же лицо, иначе... – Он продолжал рассматривать моё лицо.

– Иначе охотник лишится силы и умрёт. Ты умрёшь, – закончила за него я.

Мужчина выдохнул, и я поймала губами его отдающее кофе дыхание. Он разжал пальцы, выпуская мои волосы. Несколько секунд я продолжала смотреть на Дениса, а потом откинулась на спинку сиденья.

– Мне надо повторять, чтобы ты не пыталась сбежать?

Я промолчала, и он сам себе ответил:

– Видимо, да.

Охотник нажал кнопку, и двери с тихим щелчком разблокировались.

– Видишь вот тот переулок? – указал он на тёмную подворотню справа. – Он выходит к проспекту Верди. Если свернёшь направо, быстро затеряешься среди проходных дворов. Прямо – федеральная магистраль,ймаешь машину, только тебя и видели. Слева новый микрорайон с безликими высотками, миллион квартир, муравейник, где один сосед не знает, как зовут другого. Уверен, для тебя исчезнуть будет делом одной минуты. Дерзай! – Он поднял руки. – Я даже дам тебе фору. Скажем, полчаса. Мало? Тогда час.

Я схватилась за ручку двери. В голове билась одна мысль: бежать! Только вот... Я в смятении повернулась к охотнику. Ладони стали влажными.

У него контракт. Не будь он уверен, что выполнит его, не предлагал бы мне побег. Такие как он, ничего не делают просто так.

Дверь приоткрылась, в салон ворвался лёгкий ветерок.

Что мне за дело до его уверенности? Свою бы не растерять.

И всё же что-то меня остановило. Возможно, осознание того, что охотник хотел, чтобы я убежала. Он хотел начать охоту. Лайне всегда чувствуют чужие желания.

– А ты... – Я облизала губы. – Что будешь делать в этот час ты?

– Заведу машину...

Я распахнула дверь полностью.

– И поеду...

Я поставила ногу на тротуар под ласковое осеннее солнце.

– В аэропорт.

Охотник наклонился. Я от неожиданности отпрянула, но мужчина всего лишь открыл бардачок и достал два билета и паспорт. Со своего места я видела стилизованное изображение планера на бумаге – эмблему местного аэропорта. Он повернул руку, давая мне рассмотреть бланки. Два билета с открытой датой. Пункт назначения...

– Не знаю даже, что и выбрать: Амстердам или Эль-Фуджайру? Может, бросить монетку? Или ты что посоветуешь?

Я посмотрела на ставшую такой далёкой улицу. Ветерок, ещё минуту назад казавшийся таким ласковым, пробрал до костей. Я молча захлопнула дверь и пристегнулась.

– Правильное решение. – Охотник убрал билеты и снова завёл автомобиль. – Видимо, врут, что суккубы думают только одним местом.

Я продолжала молчать, до крови закусывая губу. Только бы не разреветься. Больше всего мне сейчас хотелось повернуться и провести рукой по мужскому лицу. Провести, выпуская когти, а потом слизать чужую кровь с пальцев.

– Думаешь о чём-то приятном?

– О, да, – ответила я, вытирая слёзы. – Очень.

Амстердам или Эль-Фуджайра? В Голландии бабушка вот уже два века держала бордель. А в Эмиратах отец собирал себе гарем. Экспериментировал, потому что со дня смерти мамы ему осталось жить всего ничего. Каких-то несчастных двести лет.

Так мы устроены. Лайне любят лишь раз в бесконечность. Любят и уходят вслед за любимыми. Отцу не повезло, его парой стал человек. Вернее, стала. Моя мать была самой обычной женщиной и смогла бы пробыть с ним очень недолго. Но даже этот короткий срок им не суждено было провести вместе. Пьяный водитель грузовика разлучил их. Мы с отцом остались

одни. Слава бесконечности, что была ещё и бабушка. И дед. Его, конечно, мотало по белу свету от северного полюса до южного так, что не каждый охотник угонится. Но у бабки он появлялся регулярно. Таких как он называли «перекати-поле». Дед у меня – дух дороги.

Конечно, духи не столь безобидны и способны доставить немало неприятностей, но если охотник заберёт кого-то из родных, то я сама приду и буду умолять впустить в подвал вместо них. Мы не стая, что изгоняет себе подобного, мы семья.

Он хорошо подготовился к охоте на лайне.

– Тогда к чему всё это было? – горько спросила я. – Похищение? Ошейник?

– Хотел закончить всё быстро и без лишних сложностей, – ответил он равнодушно.

Глава 5. Кто чем торгует

В торговом центре «Солнечный», так похожем на свечку и состоявшем из пяти уровней, ничего солнечного кроме жёлтых стен не было. Рабочие в корзине лебёдки, громко матерясь, снимали с фасада букву «Ч». То ли перегорела, то ли просто чем-то им не понравилась.

Народу внутри толкалось прилично. Торговля шла бойко. Шмотки, телефоны, косметика. При входе радостно мигала фарами новенькая машина. Бытовая техника, садовый инвентарь, ювелирные украшения, снова шмотки. В любой другой день я бы с удовольствием прошвырнулась по магазинам, прикупила бы стрингов оптом.

Бутик «Симпатии» располагался на втором этаже, между магазином косметики и сувенирной лавкой с валенками и кокошниками на витрине. В «Симпатиях» безглазые, лысые и почему-то серебристые манекены демонстрировали всесезонные джинсы и белые блузки.

– Никуда не лезть. Рот держать закрытым, – отдал приказ охотник, минуя тревожные рамки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.